

Советская литература всегда давала оценки советской государственной политики по отношению к Турции, Ирану, Афганистану, а также независимым арабским странам, как соответствующей интересам народов Советского Союза, проявлением прагматизма и здравого смысла. Договоры, подписанные СССР в 20-е гг., якобы, стали серьезным ударом по империализму с его колониальной системой. Договоры, подписанные СССР в 20-е гг., якобы, стали серьезным ударом по империализму с его колониальной системой. Народы, изнывавшие под гнетом соглашений с империалистическими державами, без труда могли убедиться, что двум противоположным общественным системам соответствуют и две противоположные внешние политики. Советское государство показало всем зависимым и угнетенным народам основные принципы международных отношений, которые несет с собой новое, социалистическое общество.

В то же время хотелось бы отметить, что зачастую при подписании этих договоров идеология, политика, государственные интересы стояли выше человеческих жизней. Так, к примеру, в ответ на просьбу Мустафы Кемаля помочь Турции В.И. Ленин распорядился отправить туда 60 тыс. винтовок, 2–3 тыс. патронов на каждую винтовку, 108 полевых и 12 тяжёлых батарей и 10 млн. рублей золотом (стоимость 30 тыс. т. муки, равных 60 тыс. т. хлеба). Датой отправки был 1921 год. Поволжье голодало. Миллионы людей умерли от голода. Хлеб в те дни означал человеческую жизнь. 10 млн. рублей золотом, потраченные на импорт зерна, спасли бы от голодной смерти 2–3 млн. человек, которые в течение 1,5–2 месяцев могли бы питаться этим хлебом. Подобные примеры будут наблюдаться и во время голода в начале 30-х годов, когда советские зерно, мука, сахар, нефтепродукты продавались в Хиджазе, Эритрее, Джибути, Египте. В 1932 году Советское правительство предоставило Турции кредит в размере 8 млн. долларов для приобретения в СССР машин и промышленного оборудования [1, с. 23–24]. Таким образом, характер поведения СССР на международной арене, в том числе на Ближнем и Среднем Востоке, успехи и просчёты советской внешней политики во многом объяснялись противоречивым единством идеологии и реальных интересов страны.

1. Васильев, А. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму / А. Васильев. – М.: Наука, 1993. – 399 с.
2. Документы внешней политики СССР – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. III. – 702 с.
3. Ленин, В.И. Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – Т. 41. – С. 163.
4. Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic – Дата доступа: 2.11.2012.

Потолков Ю.В. (Брестский государственный технический университет)

«МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» И СОЗДАНИЕ СССР

Философская идея триединой эмпатии, на которой основано моё выступление, исходит от любого социального явления как феномен этический. Следовательно, я ограничиваюсь рассмотрением этической проблематики создания СССР.

Создание СССР в 1922 году было шагом к осуществлению коммунистической мечты о единой семье равноправных народов. У большевиков не было исторического опыта. Они ещё не могли ответить на вопросы о том, какими путями будет укрепляться дружба человеческих общностей, имеющих противоречивую историю взаимных межнациональных взаимоотношений. Не было известно и о том, как преодолевать возможное в буду-

щем недоверие (а то и вражду) одних народов к другим. Не стоит задним числом укорять тогдашних реформаторов в тех или иных экономических, политических и философских просчётах. Но осмысление метафизической природы явления необходимо для решения многих сегодняшних проблем общечеловеческой этики.

Грандиозное историческое решение, о котором мы сегодня говорим, было принято в *атеистической* стране. Это обстоятельство неминуемо привело к упрощённому взгляду на религиозную составляющую национальных менталитетов. Данное упрощение, как показала история, привело впоследствии к трагическим последствиям.

Второй этической ошибкой 1922 года оказалась уверенность в том, что величие пролетарского интернационализма сразу и просто превратит противоречивую человеческую натуру в некий идеальный этический универсум, раз и навсегда «закалит сталь» характера строителя коммунизма. Может быть, этот этический просчёт большевиков оказался решающим в дальнейших судьбах СССР.

Как и всегда в истории, первой заметила нравственную недостаточность коммунистических преобразований художественная литература. В частности, русская литература. Её углублённый психологизм, её внимание к отдельно взятому индивидууму вошли в противоречие с вульгарно-коллективистскими тенденциями времени. Особенно очевидно это этическое противостояние проявилось в отношении такого литературного типа, как так называемый «маленький человек».

Известно, что создание галереи «маленьких людей» – это одно из высших достижений русской литературы. Акакий Акакиевич из повести Н.В. Гоголя «Шинель», Самсон Вырин из «Станционного смотрителя» А.С. Пушкина, Максим Максимыч из романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», Семён Мармеладов из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на фоне грандиозных советских планов по переустройству человеческой природы стали казаться фигурами малоинтересными и ни в коем случае не достойными подражания.

Однако литературная действительность оказалась сложнее планов кремлёвских мечтателей. В 20-е и во все последующие годы существования СССР фигура «маленького человека» продолжала занимать видное место в художественных книгах. Она выступила в произведениях В. Маяковского («Клоп»), М. Булгакова («Собачье сердце»), М. Зощенко (рассказы), М. Шолохова («Поднятая целина»), А. Платонова («Усомнившийся Макар») и др. Правда, в произведениях советского времени «маленький человек» оказывается личностью достойной в лучшем случае доброжелательной иронии (таков, к примеру, шолоховский Дед Щукарь), а в худшем – сатирического осмеяния (Иван Присыпкин у В. Маяковского и Шариков у М. Булгакова).

Однако такие общественные настроения, объясняемые этической ситуацией времени, не меняли сущности процесса: литература по-прежнему тяготела к изображению неповторимой индивидуальности, входящей в нравственные противоречия с этическими тенденциями социума.

Сегодня творения советской эпохи, изученные многократно, начинают выступать в совершенно новых ипостасях и поворотах. Обратимся для примера к комедии В. Маяковского «Клоп», написанной в 1928–1929 годах. Эта пьеса повествует о ничёмных жизнях мещанина Ивана Присыпкина (Пьера Скрипкина). Именно жизнях, поскольку этому персонажу довелось жить дважды: в 20-е годы и потом – в эпоху всемирного коммунизма, которая по сюжету пьесы наступит в конце 70-х годов XX века.

Читая эту произведение, не можешь освободиться от мысли, что драматург был как бы «раздвоен»: один говорит «как надо», второй – «как есть». В результате перед нами

предстает не социальная комедия, а психологическая драма, в которой главным героем оказывается не сатирический персонаж, а сам страдающий от собственных внутренних противоречий автор пьесы.

Прочитаем пьесу «Клоп» сегодняшними глазами. Кто такой Иван Присыпкин? Это бывший рабочий, бывший партиец, ныне жених. Его невеста – кассирша парикмахерской Эльзевира Ренесанс. Ради Эльзевиры Иван бросает свою бывшую возлюбленную работницу Зою Берёзину. Жизненная программа Присыпкина – сделать дом полной чашей. Говорит о себе: «Я человек с крупными запросами... Я зеркальным шкафом интересуюсь». Мечтает воспитывать будущих детей в изящном духе. Наверное, перечисленные проявления мещанства не вызывают особого уважения к личности Ивана Присыпкина, но в отрицательные герои вписывать тоже не позволяют. Когда же действие пьесы переносится в будущий коммунизм, бездуховному Ивану начинаешь просто-таки сочувствовать.

Каков же коммунизм, представленный в пьесе? (Учтём, что в его облике воплотились многие надежды социальных реформаторов 20-х годов). Это царство информирующей техники, объединяющей свою мощью всё население Земли. Названий улиц нет. Есть только номера. Деревья – искусственные, производящие в нужное время нужный фрукт. Из танцев известны только многотысячные движения рабочих и работниц по площади. Движения эти должны изображать различные производственные процессы. Например, ход полевых работ.

Понятие «влюблённость» профессора коммунистической эпохи объясняют так: «так называлась древняя болезнь, когда человекья половая энергия, разумно распределяемая на всю жизнь, вдруг скоротечно конденсируется в неделю в одном воспалительном процессе, ведя к безрассудным и невероятным поступкам» Присыпкин с его романами под гитару, тяготением к куреву и выпивке кажется людям будущего «бешеным млекопитающим». Иван комментирует всё, наблюдаемое им, так: «Ни людей, ни лошадей! Автодоры, автодоры, автодоры!!!».

Характерна заключительная сцена пьесы, в которой Присыпкина, сидящего в клетке, демонстрируют заинтересованным зрителям. Вот эта сцена:

« С к р и п к и н

(покорно становится, покашливает, подымает гитару и вдруг оборачивается и бросает взгляд на зрительный зал. Лицо Скрипкина меняется, становится восторженным. Скрипкин отталкивает директора, швыряет гитару и орёт в зрительный зал)

Граждане! Братцы! Свои! Родные! Откуда? Сколько вас?! Когда же вас всех разморозили? Чего ж я один в клетке? Родимые, братцы, пожалуйста ко мне! За что ж я страдаю? Граждане!..

Г о л о с а г о с т е й

- Детей. Уведите детей...
- Намордник. Намордник ему...
- Ах, какой ужас!
- Профессор, прекратите!
- Ах. Только не стреляйте!»

Далее – служители оттаскивают Скрипкина. Музыка играет туш.

Трудно сказать, какой образ – мещанина Присыпкина или коммунистического общества – вызывает у современного читателя большее неприятие. По крайней мере, в приведенной выше сцене нравственно выигрывает Иван. И веришь, что он действительно страдает. В зале – существа пострашнее Присыпкина. Они забыли слова «влюблён-

ность», «табак», «водка», «фокстрот и «романс», но хорошо помнят слова «намордник», «стрелять», «ужас» Итак, перед нами клоунада, узаконенное двуличие. Никакого коммунизма нет; ничего не изменилось. Иными стали лишь обстоятельства научно-технического порядка. Уяснив это, современный читатель вряд ли воспримет В. Маяковского как идеального певца советской эпохи. Самоубийственный выстрел поэта в апреле 1930 года имел не только личные причины... Сегодня особенно горько читать строки из «Стихов о советском паспорте»: «Читайте, завидуйте: Я – гражданин Советского Союза».

Таким образом, ясно: этическая программа создателей СССР подвергалась сомнению уже в 20-е годы. Как показали дальнейшие события истории, такие сомнения имели под собой все основания.

Птичкина С.А. (Брестский государственный технический университет)

ПРАВОВОЙ СТАТУС БССР В СОСТАВЕ СССР

29 декабря 1922 года на Конференции полномочных делегаций РСФСР, УССР, ЗСФСР и БССР были обсуждены и одобрены положения Договора об образовании СССР. При этом союзные республики выступали как самостоятельные независимые государства. 30 декабря 1922 г. члены полномочных делегаций союзных республик подписали Договор об образовании СССР, что позволяет рассматривать его как полноценное международно-правовое соглашение.

Глава Правительства БССР А.Г. Червяков настаивал на расширении полномочий союзных органов, однако Договор 1922 г. относил к компетенции Союза международные отношения, установление основ общего плана развития народного хозяйства, руководство транспортом, связью, Вооруженными силами, утверждение единого госбюджета, формирование денежной, кредитной системы, системы общесоюзных и республиканских налогов, пользование недрами, лесами, водами, землепользование, судостроительство, судопроизводство, гражданское, уголовное законодательство, основные законы о труде, общие начала народного просвещения, законодательство в области союзного государства, законодательство о правах иностранцев. Союзным республикам оставались второстепенные, декоративно-представительские функции. И хотя Договор 1922г. декларировал норму о праве свободного выхода союзных республик из состава СССР, но не условий, не механизма такого выхода законодательство не устанавливало.

31 декабря 1924г. на II Всесоюзном съезде Советов была утверждена первая Конституция СССР. В соответствии с общесоюзной Конституцией Белорусская ССР передала часть своих полномочий СССР. В отношении разграничения компетенции СССР и союзных республик говорилось, что «суверенитет союзных республик ограничен в пределах, указанных Конституцией СССР, вне этих пределов республики осуществляют власть самостоятельно»[1]. Конституция 1924 г. содержала специальную главу, трактующую суверенные права союзных республик. «Статья 4 закрепляла право свободного выхода из состава Союза (это было показателем силы Советского государства, которое заверяло, что ни одна из республик не хочет отделяться от Союза). Специально подчёркивались права союзных республик на неизменяемость их территорий (допустимо только с согласия республики). Статья 5 признавала за республиками право иметь своё законодательство (ответствующее Основам союзного законодательства той или иной отрасли права)»[4].